

оздним июльским вечером волчья стая томилась на лесистом увале в ожидании сигнала «разведчика». Чтобы согнать наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды — кто в траву, кто в еловый лапник.

Наконец со стороны реки донесся призывный вой. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим: «Чую добычу». Через минуту он повторился, наводя на все живое безотчетную тоску.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встрепенувшейся стаи: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, серые затрусили цепочкой — то опуская, то вскидывая головы, стремясь не пропустить ни единого запаха. Бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Вел стаю матерый волчище — Дед. Он заметно выделялся среди прочих широкой грудью с проседью по бокам и более мощным загривком.

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв вождеденный запах сохатого, перешли в намет. Густой лес не замедлял

их бег: подсобляя хвостом-правилом, они ловко маневрировали среди стволов и зарослей кустарника...

Горбоносый лось, дремавший в скалистой нише под обрывом, услышав вой, вскочил и, еще не понимая, откуда грозит опасность, затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, понял — схватки не избежать. Притиснувшись задом к отвесной стене и опустив голову, вооруженную громадными лопатообразными рогами, бык приготовился к бою.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше все должно было развиваться по отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но разгоряченный бегом Дед совершил ошибку: с ходу бросившись на быка, угодил под сокрушительный встречный удар — острое копыто проломило грудь.

Зато волки, налетевшие с боков, сработали четко: лось беспомощно осел на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник Смельчак первым сомкнул челюсти на горле сохатого и, дождавшись, когда тот, захлебываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на лежащего Деда, Смельчак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил его час! «Отныне я вожак!» — говорили его поза и грозный оскал.

Смельчак, выделяясь отвагой и силой, несомненно, являлся достойным преемником. Он был настоящим локот и силен, что умудрялся на ходу вырывать куски мяса у бегущей жертвы. Оказавшись в роли вожака, он легко подчинил сородичей своей воле.

Попирая справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда, Смельчак действовал нагло, руководствуясь только своими желаниями. И что странно, волки безоговорочно покорились. Это доставляло ему особое, прежде не ведомое наслаждение — наслаждение безграничной властью.

Поспособствовала уступчивости стаи и сытая жизнь. Оленей в этом году расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их чуть ли не каждый день. Обильная добыча упрочила владычество Смельчака и нескольких приближенных угодников: вокруг него образовалась как бы стая в стае. Питались волки так хорошо, что шерсть приобрела особый блеск и при свете луны казалась серебристой.

Покорность стаи и превосходство в силе довольно скоро растлили вожака-деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, рыскали в поисках добычи рядовые члены стаи, Смельчак со свитой подходили, лишь когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу отнимали ее силой, но мало-помалу сами добытчики свыклись с этим беспределом и послушно отходили в сторону в ожидании своей очереди. Изредка, когда охота ожидалась необременительно-легкой, Смельчак, дабы размяться, тоже участвовал в ней.

Возможность играючи, без усилий добывать пропитание привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные волки втянулись в этот дикий разбой.

Жители староверческого скита все чаще натыкались в лесу на останки зарезанных, порой даже нетронутых оленей. Как-то обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушенная потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она, горестно поскуливая, раскачивалась из стороны в сторону.

Людя проклинали серых, но в то же время полагали, что «на все воля Божья». А стоя, почувствовав себя хозяйкой окрестной тайги, стала бесцеремонно промышлять даже возле селения. Затравленные олени все ближе жались к окружавшему его заплоту.

Как-то табунок в надежде, что волки не посмеют приблизиться к нему вплотную, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола. Не успели олени задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Напуганные животные вскочили, сбились в кучу. Один из них вдруг начал яростно, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались во тьму, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвизгивая на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени уже не таясь выныривали из тьмы, и вскоре табунок превратился в мечущийся хаос: олени вскидывались, хрипели и падали, захлебываясь кровью. Резня продолжалась меньше десяти минут. Когда разбуженные яростным лаем собак мужики принялись палить для острастки в черноту, все было кончено.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, скитники ужаснулись. Казалось, что даже небеса с немым укором взирают на картину бессмысленного побоища.

— Сие проделки дьявола в волчьем обличии! Пора дать ему укорот! — возмущался лучший стрелок Пуля.

Еще до этого случая, изучая по следам жизнь стаи, этот кряжистый бородач смекнул, что ею верховодит башковитый, но жестокий зверь. Он был уверен, что если выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая волчьи следы, охотник не единожды выходил на место отдыха стаи, однако чуткий волчара неизменно уводил ее раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Смельчак тоже наблюдал за охотником. Пуля чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружье, зверь успевал исчезнуть — словно растворялся в воздухе.

В этот раз охотники договорились устроить засады на всех возможных проходах. Пуле с братом Федором достался караул возле ключа, отделявшего кедрач от осинника. Натеревшись хвоей, они устроились в кустах, держа ружья наготове. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, карабкался на косогор упитанный барсук. И только волков не было видно, хотя они все это время бродили тут же, искусно обходя засады.

Среди ночи у не смыкавшего глаз Пули возникало ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не заметил Смельчака, вышедшего прямо на их засаду. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним противником и, развернувшись, увел стаю в путаную сеть отрогов.

Последующие засады также не дали результата. Решили насторожить самострелы на всех волчьих тропах. Через несколько дней один из них сработал: стрела пробила волка насквозь. Живучий зверь с версту бежал, временами ложась на землю, пытаясь зубами вытащить стрелу. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, — удивлялся Федор.

— А што ты хошь? Оне же слуги дьявола! — пояснил кто-то из охотников.

После потери собаки стая словно испарилась. Через год ставшие уже забывать о ее существовании люди вновь были потрясены жестокой и бессмысленной бойней в одном из распадков: большинство зарезанных оленей лежали нетронутыми. Повторные облавы, пасти, самострелы на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки для серых не пропали даром. Поднаторевший Смельчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох.

Как-то, переплывая речку, Смельчак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, он взял в зубы обломок ветки и стал медленно заходить с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на нее, он разжал пасть.

А однажды зимой серые, обежав в поисках оленей все окрестные горы, обнаружили наконец-то небольшой табунок, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: бдительные животные не позволяли приблизиться. Догнать же их по глубокому снегу узкопашие хищники не могли. Вот если б весной, да по насту!

Смельчак понимал, что стаю выдает резкий волчий запах. И тогда перед набегом он долго терся о снег, политый мочой оленей. Остальные последовали примеру вожака. Эта немудреная процедура позволила подойти к табуну настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогача.

Случайно наткнувшиеся на стаю в то время, когда волки доедали оленя, охотники получили возможность расправиться с ней. Меткие выстрелы Пули и Трофима уложили двоих, но остальные тут же изрыгнули съеденные куски мяса и махом исчезли.

Выстрел вдогонку настиг еще одного. Смертельно раненный зверь зашатался. Изнемогая, повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, оскалившись, пошел навстречу... Другие члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда люди никогда не заходили: считалось, что в них обитает нечистая сила.

Пуля, изучивший повадки стаи, не сомневался в том, что их вожак есть порождение дьявола. Не мог же Господь наделить столь выдающимися способностями такую кровожадную тварь!

Смельчак тоже неплохо изучил своих гонителей. Особенно Пулю, чья в нем сильного противника. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он пугающе настораживал Смельчака, но вместе с тем и непостижимым образом притягивал.

Осмотрительно избегая прямой стычки, волк, дабы доказать свое превосходство, замыслил прикончить верного друга охотника — рысь по кличке Лютый. Маленьким умирающим котенком Пуля когда-то подобрал его в лесу — и вся стая уже давно точила клыки на этого независимого и изворотливого котяру. Но тот, уходя из селения постранствовать, спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай стае все же представился.

По изменениям в следах Лютого волки решили, что кот повредил лапу. И действительно, когда они увидели рысь на склоне отрога, та заметно прихрамывала. Не воспользоваться этим было бы глупо, и Смельчак с ближайшими сподручными пустились в погоню. Спасаясь от преследователей,

Лютый поспешил к внушительному скалисто му останцу. Бежал с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулся на камнях. Свора, открытая доступностью намеченной жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу. Но почти достигнутый кот успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Пуля с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди посшибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютото хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительными исполнением роли ученого, подошел к другу. На дне пропасти лежали разбившиеся о камни окровавленные разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смелычак, повинувшись своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Пулю, спускавшегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие и на этот раз его не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что вся его свита погибла.

Утрата приближенных стала для Смелычака потрясением. Лишь на третий день он вернулся в основную стаю, отдохавшую в глухом распадке. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немислимых позах в тени деревьев. Увидев Смелычака, они по привычке встали, но смотрели напряженно, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый. Поняв, что вожак один, без свиты, он осмелел и открыто демонстрировал свое непочтение.

— Померяемся силой? Давай! Я готов! — говорил он своей позой.

Смелычак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни не прошел даром: он утратил былую силу и ловкость. Однако даже отдавая отчет, что, скорее всего, уступит Широколобому, Смелычак не мог добровольно сдать власть — гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый настороженно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Взбешенный Смелычак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись, встали друг против друга, выражая решимость отстаивать право на главенство. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые как снег клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучал устрашающий рык, но звери с места не сходили. Наконец Широколобый, делая вид, что отступает, принудил Смелычака сделать бросок; отпрянув в сторону, неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать загривок.

Поняв, что ему не одолеть молодого, Смелычак, вырвавшись, метнулся в чащу. Еще никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а он все бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец добрался до местности, где зияли темные глазницы пещер. Эта окраина была богата зверьем, а следы пребывания людей отсутствовали.

Смелычак быстро свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать свое местоположение, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты лишь тихо и жалобно скулил, уткнувшись морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине вслед за стадом оленей, столкнулась со Смельчаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Больше всего его задело то, что бывшая подруга отвернула морду, сделав вид, что не заметила его.

От унижения Смельчак заскрежетал зубами — да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жаждой превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимо мучительно, но пришлось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненного супруга ни на шаг, а когда тот околел, еще долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смельчак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и по его подсказке не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев сильно протухшего мяса, Смельчак чуть не сдох. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали — у него тут же начинались рвотные позывы. Отвыкший быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шел и шел, не давая намеченной жертве возможности передохнуть.

Преследуемое животное сначала уходило резво, металось, напрасно тратило силы; но постепенно шаг тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовывал жертву, лишал сил. Смельчака же близость добычи, напротив, бодрила. Наконец до предела измотанное животное останавливалось, уже безучастное ко всему. И когда Смельчак подходил, как правило, даже не пыталось сопротивляться — расставалось с жизнью безропотно...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось избежать его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смельчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролетные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи¹. Принюхался — точно, лосиха! Брюхатая брела по перекаату прямо на него. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поесть свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, Смельчак выверенным прыжком оседлал ее и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапного нападения будущая мамаша, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой выполз на берег, а потрясенная лосиха удалилась в лесную чащу...

Выполняя просьбу отца-травозная, Пуля после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света Господня все травы животворным соком наливаются, шел по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую. Приседая на корточки, охотник с именем Хрис-

¹ Период рождения телят у лосей растянут. Отел порой случается в июне и даже в июле.

товым и Пресвятой Богородицы срезал ту траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Пуля ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смельчак? Он резко обернулся — и внизу, у воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка. Но глаза того сразу выдали — точно, Смельчак!

— Вот так встреча! Так ты, вурдалак, оказывается, жив?! — воскликнул человек.

Зверь вздрогнул и, прижав уши к загривку, замер. В его взгляде сквозили испуг, тоска, чувство беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки.

А охотник смотрел на мокрого, скукожившегося волка сочувственно — можно сказать, с грустью. Смельчак не выдержал, отвел глаза, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Пули вместе с жалостью мелькнула мстительная удовлетворенность. Смельчак, почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

— Нечего плакаться, получил ты по заслугам.

Пуля спрыгнул на галечную косу и направился к волку. Тот в ужасе съежился, дернул грязным, как дворовая метелка, хвостом и как будто всхлипнул.

— Не бойсь, лежачих не бьют, — охотник склонился над зверем и... наткнулся на остекленевший взгляд. Волк был мертв.

ЖУТЬ

Подгоняемые ветром тучи скрылись за цепью гор, вслед заспешило солнце. Над замороженной тайгой, рассеченной белой лентой реки, изредка скрипуче гнусавил в заиндевевшие бакенбарды ворон. Когда я добрался до стана, в распадке уже хозяйничали сумерки.

Сняв и очистив от снега лыжи, я принялся, мурлыча нескладные, сочиненные еще в Якутии куплеты, колоть дрова. Нарождающаяся ночь тем временем осмелела, укрывая все окрест густеющим покрывалом. Обрывки туч, застрявшие у горизонта, еще некоторое время отражали прощальное сияние светила, но и они вскоре потускнели, погасли. Тайга и небо слились. Неясные силуэты деревьев проступали лишь вблизи, принимая самые фантастические очертания.

Расколов три сучкастые чурки и набрав в промоине ключа воды, забрался в палатку. Зажег свечу, набил чрево буржуйки поленьями и запалил их смолистой щепой. Бока печурки вскорости порозовели и стали щедро возвращать тепло солнца, накопленное кедром за добрую сотню лет. Теперь можно снять куртку. Поставив чайник, с наслаждением растянулся на ватном спальнике.

Ничто не предвещало того кошмара, который предстояло мне пережить этой ночью...

Я готовился ко сну, как вдруг резкий порыв ветра наполнил мое убежище таким густым и едким дымом, что пришлось откинуть полог. В этот момент недалеко от палатки раздался жуткий волчий вой. Душераздирающее «ыууу-ыу» понеслось по распадку, нагоняя ужас на все живое. По спине пробежал противный холодок; руки сами нащупали лежащее между спальником и брезентовой стенкой палатки ружье и вынули его, привычно вогнав патрон с картечью. Остальные патроны и нож легли рядом.

Чтобы отпугнуть зверей — волки зимой поодиночке не ходят, — высунул наружу ствол и полосонул ночь резким, как удар бича, выстрелом. Вой прекратился, но ненадолго. Вскоре он раздался, как мне показалось, еще ближе.

Я понимал, что нужно немедленно что-то предпринять, однако оцепенело сидел, стиснув ружье, боясь даже пошевелиться. Гадкий страх парализовал меня. Когда наклонялся подложить дров, берданку не выпускал. Воображение рисовало жуткую картину: оголодавшая стая окружила палатку и готова ворваться, чтобы растерзать меня.

Время, словно заключив союз с серыми, тянулось невыносимо медленно. Мороз крепчал, а дров оставалось совсем немного: я не рассчитывал топить всю ночь. Приходилось экономить каждое полено. И все же к трем часам положил в топку последнее. Когда оно прогорело, палатка стала быстро остывать. Страх и леденящий холод сковывали меня все сильнее.

Чтобы окончательно не замерзнуть, нужно было забраться в спальник, но я понимал, что в нем буду скован в движениях и не смогу обороняться. Что же придумать?

Мысленно перебрал все вещи: можно ли еще чем подкормить огонь? Но ничего не находил. А дрова были совсем рядом! Рядом и в то же время невероятно далеко — выйти и пройти пять метров до груды поленьев меня не могла заставить никакая сила. Брезентовое убежище представлялось в эту ночь надежным бастионом, покинув который стану беззащитным.

В печурке дотлевали последние угольки. В конце концов мороз победил страх, и я, с трудом распрямив затекшие ноги, обутый и с ножом в руках, забрался в спальник, где и провел остаток ночи в тревожном забытьи. Сквозь дрему вздрагивал от каждого шороха.

По мере того как мрак сменялся робким рассветом, во мне росла злоба на волчье племя. Зарождающийся день, изгоняя вместе с тьмой страх, с каждой минутой вливал в мое сердце решимость отомстить за ночное унижение и уязвленное самолюбие.

Взяв бердану, воткнул нож за голенище и, готовый к схватке, откинул край брезента. Солнце уже проклюнулось в проем между сопок, и припудренный порошей снег искрился мириадами звездочек. Держа ружье наизготовку, крадучись прошел мимо груды дров к месту, откуда волк выл в последний раз. Я должен был непременно убить его. Мысль о том, что волк не один — там, быть может, целая стая, — уже не могла остановить меня...

Странно: на снегу ни единого следа. Дойдя до подножья сопки, оглядевшись, пытаюсь понять, куда серые могли так быстро и незаметно разбежаться... И в этот миг прямо надо мной раздалось противное, осточертевшее за ночь завывание.

Я вскинул ствол...

Но стрелять было не в кого! Повторяющийся через разные промежутки времени вой издавала старая ель, раскачиваемая ветром. Я захотел как сумасшедший. Надо же так опростоволоситься!..

Когда вернулся с очередного обхода путика, «вой» прекратился, и больше я его никогда не слышал.

